

ТЕРЕБИХИН Николай Михайлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 306 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ФОНД САКРАЛЬНОЙ ОКЕАНОГРАФИИ НАРОДОВ МОРЯ (часть 2)¹

Для реконструкции сакральной морфологии традиционной морской культуры народов северных морей необходимо рассмотрение ее сквозь призму сравнительного анализа, позволяющего распознать все «недостающие» элементы и заполнить пустующие клеточки ритуально-мифологической системы («таблицы») как порождающего ядра сакральной океанологии мореходов высоких широт. Наиболее продуктивным представляется сопоставление ее с классическими морскими культурами, результаты систематического изучения которых могут быть преобразованы в парадигму (дисциплинарную матрицу) исследования традиционной культуры моря как семиотической системы. К числу таких парадигмальных (матричных) символических конструкций относится модель традиционной морской культуры народов Океании, и прежде всего полинезийцев, называемых «викингами Востока». Истоки традиционной морской культуры полинезийцев укоренены в их ритуально-мифологической традиции, в символическом ансамбле новогоднего Первопродня. Важнейшим научным результатом исследования явилось построение базовой модели сакральной морфологии традиционной культуры народов моря, в состав которой входят такие разделы и тематические блоки священной океанографии, как: мифологическая концепция «первого корабля»; сакральный статус плотника-судостроителя; образ бога-покровителя корабельного художества; ритуальный цикл строительства корабля (выбор материалов, обряд строительной жертвы, ритуалы «монтажа» судна, обряды освящения и имянаречения нового корабля); космогонические и эсхатологические аспекты мифологии моря и корабля; поэтическое творчество и обожествленная память в структуре священного мореведения (всеведения). Такова инвариантная структура сакрального морского знания как порождающего ядра традиционной культуры народов моря. Хранителями и экзегетами священной океанографии являлись

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области, проект № 18-411-290004 р_а «Семиотика и аксиология традиционной культуры как ценностная матрица современного геокультурного пространства Европейского Севера России».

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: terebihinn@mail.ru

Для цитирования: Теребихин Н.М. Образно-символический фонд сакральной океанографии народов моря (часть 2) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 2. С. 106–113. DOI: 10.37482/2227-6564-V011

жрецы-кораблестроители и поэты-навигаторы (кормчие), которые своим корабельным искусством и поэтическим мироустроительным словом измеряли и прокладывали «божью дорогу» в океане.

Ключевые слова: сакральная морфология, традиционная морская культура, сакральная океанография, народы моря, полинезийцы.

Чтобы реконструировать сакральную морфологию традиционной морской культуры народов северных морей, следует рассмотреть ее сквозь призму сравнительного анализа, который позволяет не только распознать все «недостающие» элементы, но и заполнить пустующие клеточки ритуально-мифологической системы («таблицы») как порождающего ядра сакральной океанологии мореходов высоких широт [1, 2]. Наиболее продуктивным представляется сопоставление ее с классическими морскими культурами: результаты их систематического изучения могут быть преобразованы в парадигму – дисциплинарную матрицу – исследования традиционной культуры моря как семиотической системы. В число таких парадигмальных – матричных – символических конструкций входит модель сакральной морфологии традиционной морской культуры народов Океании (прежде всего полинезийцев), которых называли «викингами Востока».

«Однако полинезийцы размахом и смелостью своих морских путешествий намного превзошли викингов. Во времена, когда лучшие из мореплавателей Старого Света – финикийцы – бороздили воды Средиземного моря, отваживаясь плавать лишь вдоль берегов Африки, полинезийцы уже преодолевали тысячекилометровые океанские просторы, вторгаясь в отдаленные области Тихого океана» [3, с. 63].

Значимый вклад в разработку «океанического» варианта дисциплинарной матрицы традиционной культуры моря внесли как российские [4–7], так и зарубежные [8–10] этнологи, антропологи и религиоведы. Источниковую и дискурсивную основу авторской концепции сакральной океанографии народов Океании составили исследования известного полинезийского ученого и общественного деятеля Те Ранги Хироа, который органично сочетал внутреннюю (вернакулярную, «аборигенную») и

внешнюю (рациональную, научную) точки зрения на священную морскую науку «викингов солнечного Восхода».

Истоки традиционной морской культуры полинезийцев укоренены в их ритуально-мифологической традиции, в символическом ансамбле новогоднего Первопраздника. Соприращенность культуры моря с космогоническими схемами отчетливо прослеживается в сакрализации судостроительной технологии и конструкции корабля, высоком социальном и религиозном статусе мастера-судостроителя. В традиционном полинезийском обществе строители лодок и жилищ как хранители сакрального тайного знания и священных технологий образовывали замкнутые жреческие (инициативные) корпорации, имевшие своего божественного покровителя в образе бога ремесла – Первостроителя. «На островах Самоа и Тонга они находились под покровительством бога Тангароа – первого строителя лодок и жилищ, а в Центральной Полинезии считали своим покровителем бога Танае. Для религиозных собраний строителей лодок были отведены особые места “марае”, где они проходили через определенный ритуал, прежде чем приступить к такой ответственной задаче, как постройка судна для морских путешествий» [8, с. 34]. Соединение в одном лице судостроителя и плотника («плотники, входящие в союз, строили также сложные суда» [8, с. 236]) свидетельствует не только о семантическом единстве судостроительной технологии, но и об отождествлении образов дома и корабля, которые восходят к своему сакральному образу-архетипу Первого Дома и Первого Корабля. Имевший высокий сакральный и социальный статус «дом для гостей строили искусные плотники, объединенные в союз, который, как говорят мифы, ведет свое начало от совещания, созванного богом Тагалоеа для обсуждения

проекта первого жилища. Собравшиеся на небесах плотники построили первый дом в высших сферах, а затем повторили этот образец на Ману'а. Союз строителей так и назывался Са-Тагалоа (семья Тагалоа)» [8, с. 235].

Первый Дом и Первый корабль – это те сакральные модули-проекты, которые воспроизводятся в иеротопическом творчестве жрецов-строителей и обеспечивают их актуальную связь с мифологемами творения мироздания, воплощенными в самом образе покровителя ремесел – первостроителя бога Тане. Он был рожден от брака Создателя мира (бог Та'ароа) с Пространством (богиня Атеа). Первоначально Тане представлял собой «живую массу неопределенных очертаний. Чтобы придать ей форму, были призваны искусные мастера. Они приходили парами, неся на плечах связки каменных орудий, однако при виде величественной Атеа в ужасе разбежались. Тогда Атеа сама взялась за создание Тане и с успехом оформила человеческое тело <...> Тане вышел таким совершенным, что он стал богом красоты. <...> Та'ароа наделил его особой силой, сделав богом ремесла» [8, с. 66]. Миф о рождении Тане в образе аморфной живой массы, которая в процессе вторичной «ремесленной» (косметической) доработки оформляется, становится антропоморфным символом гармонии, красоты и совершенства, воплощает космогоническую идею сотворения мироздания из нерасчлененного хаоса первобытных первоматериалов. Следуя своему богу-покровителю, «изящные» мастера-ремесленники соучаствуют в процессе устроения универсума, создавая такие изысканные произведения иеротопического творчества, как дом и корабль.

Ритуальный процесс строительства лодки начинается с выбора священных первоматериалов (деревьев). По представлениям полинезийцев, Тане являлся богом леса, а деревья были его детьми. Поэтому перед строителями стояла задача выбрать те деревья, которые входили в область владения Тане, считались членами его семьи. Тем самым обряд избрания и рубки деревьев можно рассматривать как ритуал жертвоприношения божества, из тела которого развертывается новый мир – корабль. Тане

соединял в одном образе бога-покровителя судостроения, мастера-судостроителя, материал для строительства судна и само судно. Более того, Тане воплощался и в наборе строительных инструментов, и прежде всего в каменных (базальтовых) теслах. «На Мангайе богом ремесленников был Тане – мата-арики, или “Тане с царственным лицом”. Он олицетворялся в образе прекрасно отшлифованного базальтового тесла с искусно вырезанной деревянной рукояткой. Они были связаны изящно переплетенной бечевой, которая образовывала сплошной узор. Таким образом, из основных материалов ремесленников – камня, бечевы и дерева – возникло изображение, достойное бога, чья помощь вдохновляла строителей в их ремесле. Дерево, принадлежащее Тане, обрабатывали божественными теслами и связывали священной бечевой – так строилось судно, наделенное мистической силой. На самой лодке воздвигался алтарь в честь Тане, и ритуалы жертвоприношения обеспечивали его ежедневную помощь» [8, с. 40].

В ночь перед началом строительства (последняя ночь лунного месяца) судостроители несли тесла в храм своего бога-покровителя и «укладывали их спать» в особые священные тайники. Притом они обращались к богу Тане с просьбой наполнить тесла божественной силой. После этого начинался ритуал «строительной жертвы», включавший собственно жертвоприношение и пир. В качестве жертвы богу – покровителю судостроения – приносилась свинья. Выбор именно этого животного был обусловлен высочайшим ритуальным статусом свиньи в полинезийском сакральном «зверинце». Исследуя древние святилища Гавайских островов, чешский этнолог М. Стингл отмечал, что помимо морской черепахи «другим животным, необходимым для проведения религиозных обрядов, как почти повсюду в Океании, оказалась свинья. Во время некоторых ритуалов в жертву приносились десятки поросят. Поэтому одной из важнейших повинностей простого народа была “свиная подать”. Верующие должны были преподносить храмам множество поросят. Вот почему к гавайским храмовым постройкам примыкают свиные хлевы» [3, с. 72].

Столь высокий ритуальный статус свиньи, на наш взгляд, обусловлен ее мифологическим отождествлением с богом Тане, пребывающим в состоянии первоначального хаоса («живая масса неопределенных очертаний»), который преодолевается (космизируется) в процессе ритуала жертвоприношения свиньи. В обряде строительной жертвы бесформенная «живая масса» свиньи пластически (хирургически) избавляется от своих первородных излишков и, подобно богу Тане, которому она посвящена, приобретает совершенные, законченные формы, тождественные эталону космической красоты. «Закалывали откормленную свинью и, прежде чем класть ее на огонь, вырывали клочья щетины в качестве жертвы богу Тане... Так Тане отдавалась первая часть убитой свиньи. После того, как зажаривалась целая туша, еще до ее дележа, для божества оставляли хвост. Так доставался Тане последний кусок свиньи. Эти жертвоприношения клали в его святилище» [8, с. 36]. О значимой роли ритуала строительной жертвы в организации морских походов полинезийцев свидетельствуют их исторические предания, где повествуется о том, что для преодоления опасности мореплаватель сообщал, что «он принес в жертву свинью и тем самым обезопасил себя от враждебной силы на воде и под водой» [8, с. 80]. Вообще следует отметить, что весь технологический цикл строительства корабля у полинезийцев можно истолковать как тотальный обряд непрерывного жертвоприношения, в процессе развертывания которого жрецы-строители в буквальном смысле непрерывно «жрут» (поглощают) даруемых жертвенных животных.

Ритуал фундаментной жертвы завершал подготовку к монтажу судна, который начинался на другой день после жертвоприношения с процедуры погружения рабочих инструментов в море – ту «стихию, по которой будет плавать плод их труда». Сам процесс непосредственно изготовления лодок был предельно сакрализован и соотносился с «главными размерениями» космического и социального устройства. В технологии конструирования полинезийского судна особое значение придавалось процедуре скрепления досок корпуса плетеным шнуром

(бечевой), изготовленным из волокна кокосовой кожуры. Эта операция скрепления-связывания наделялась глубоким космогоническим смыслом, поскольку сама технология космогенеза основана на идее установления-восстановления связей между элементами мироздания. Поэтому неслучайно у полинезийских строителей лодок «плетеным шнур и доски, которые он связывал, считались атрибутами бога Тане, а на Таити бога Тане представляли в виде тонко сплетенной бечевы» [8, с. 37, 40].

Примечательной чертой организации судостроительных работ являлось то, что при постройке судна две пары мастеров работали по обеим его сторонам, располагались симметрично по отношению к килю. В четверичной числовой символике (четыре мастера) раскрываются существенные связи судостроительной технологии с полинезийской моделью мира, ее космологическими, ритуальными и социальными аспектами. Четыре мастера-судостроителя соотносятся с четырьмя божествами гавайского пантеона, с четырехмесячным периодом гавайского праздника-карнавала Макаики.

Заключительным этапом строительства полинезийского судна являлся спуск его на воду, сопровождавшийся ритуалом освящения нового корабля. «Новую лодку заставляли хлебнуть морской воды <...> так как полинезийцы считали великий океан “алтарем богов” <...> Лодка, хлебнувшая морской воды, считалась посвященной Тане» [8, с. 39–40].

Центральным моментом ритуала спуска нового корабля, которым руководил главный мастер-жрец, являлась его номинация. «Отстроенной лодке присваивалось имя, и обычно она посвящалась Тане» [8, с. 39–40]. Подобное именаречение лодки завершало цепочку мифологических отождествлений/уподоблений материала для строительства, инструментов, мастера-судостроителя и самого судна богу Тане, который воплощал в себе все эти компоненты ритуально-технологического цикла, являлся его началом и концом, претворялся в самой архитектуре судна. Важной особенностью полинезийского корабельного ономастикона была номинация не только лодки в целом, но и ее отдельных семантически и конструктивно

значимых частей. Собственными именами наделались рулевое весло, мачта, ковш-черпак и якорь. Номинация этих частей судна была связана не только и не столько с их прагматическим, функциональным назначением, сколько с их символикой (каменный якорь – образ опоры, основания, спасения; рулевое весло – образ сакрального знания устройства мира и его путеводных координат; ковш-черпак – священный сосуд, соприкасающийся с водной стихией «алтаря богов»; мачта – навигационный (осевой) символ мирового древа). В целом же обилие собственных имен в «конструктивной» мифологии полинезийского корабля связано с такими универсалиями морской культуры, как ее словесность и мемориальность.

В сакральной ономастике полинезийцев отмечено достаточно уникальное явление изменения имени корабля. В исторических преданиях маорийцев о своем герое-первопредке Руатапу рассказывается о том, что «во время своего долгого плавания он не раз менял названия судна» [8, с. 92]. Судно другого их предка, Те Эруи, потеряло во время шторма мачту. Возвратившись домой, мореход спросил у жреца о причине неудачи. «“А как ты назвал свое судно?” “Вирипо”, – отвечал Те Эруи. “Ну вот, – сказал жрец, – в этом и заключена причина твоего несчастья! Ты должен был бы назвать какую-нибудь часть своей ладьи по имени бога”. Те Эруи соорудил другое судно, дав ему имя Те Ранги-пае-ута, и, следуя советам того же жреца, назвал две мачты в честь богов Тангароа и Ронго» [8, с. 92].

Смена имени могла диктоваться не только какими-то окказиональными причинами, связанными с крушением судна или гибелью мореходов, но и ритуальным контекстом. Косвенным свидетельством в пользу этого служит мифологический рассказ о предке-мореплавателе, судно которого переименовывалось трижды. Каждое переименование было связано с тем или иным этапом постройки судна и его испытания-освящения (завершение строительства, перенесение готового судна на берег моря, первый морской поход). В такой трехчастной схеме переименований судна прослеживается ее инициатическая природа,

тождественная изменению имени человека в ритуалах перехода.

Образ корабля тесно связан с символикой моря. В мифопоэтической модели мира полинезийцев топология моря соотносится с представлениями о священном и таинственном просторстве, которое разделяет мир живых и мир мертвых, о пути предков. Полинезийцы почитали океан как «алтарь богов», и поэтому «в случае гибели какой-либо ладьи и людей другие мореходы не винили в этом ни богов, ни море. Погибший мореход был сам “кругом” виноват в том, что неправильно истолковал приметы погоды или пренебрег каким-либо обрядом» [8, с. 40]. С подобным благоговейным, трепетным, смиренным отношением к судьбе, уготованной морем, мы встречаемся и в других морских традициях, основанных на сакрализации, обожествлении морской стихии. С образом моря тесно связан комплекс религиозно-мифологических представлений о становлении и разрушении универсума, явлении космоса из хаоса первобытной стихии и возвращении его к исходному состоянию.

Космогония и эсхатология – вот два полюса, которые организуют все семиотическое пространство морской культуры. Космогоническая символика моря наиболее ярко раскрывается в мифологической этиологии островов Тихого океана, образующих природный и культурный ландшафт жизни полинезийцев. В соответствии с космогоническими мифами весь островной мир Полинезии возник в результате вылавливания островов из вод океана рыбаками-культуртрегерами. «Поскольку остров считался выловленным со дна океана, то, естественно, к нему и относились, как к рыбе. Поэтому части островов обычно получали названия, соответствующие названиям различных частей рыбы» [8, с. 55–56]. Рыболовецкий миф о ловле «острова-рыбы» не только рассказывается, но и воспроизводится в регулярно повторяющемся ритуале. Культурный герой-рыбак должен был не только выловить остров священным крючком, но и закрепить его в конструкции мироздания с помощью особой лианы-лозы, выполнявшей важные космологические функции мировой оси. Те острова, которые не были «привязаны»

ко дну океана, свободно плавали по морским просторам и назывались «плавающими островами». Мифологемы «плавающих островов», доустройства мира как процесса вылавливания твердых частиц из водной стихии достаточно универсальны и, в частности, отмечены в мифологии народов Севера. Эсхатологическая парадигма морской культуры реализуется в образах разрушения основ мироздания, потопа и строительства корабля спасения (Ноева ковчега), символике моря как границы, разделяющей живых и мертвых, как пути-дороги, ведущего в мир предков. Символ пути лежит в основе сюжета обряда перехода. По представлениям полинезийцев, далеко за морем на западе расположена их исходная родина, откуда пришли их предки и куда по смерти возвращаются души людей. В Полинезии «почти на каждом острове отведено священное место, откуда, по преданиям, души умерших начинают свое последнее путешествие на запад» [8, с. 28]. Идея эсхатологического «вечного» возвращения в первоначальную морскую стихию воплощена в ритуале погребения покойного в море либо отправления его тела на плоту или лодке в страну предков.

Поскольку пространство океана представляло для полинезийцев не чисто географическую, но сакральную, космологическую реальность, постольку в морской культуре Полинезии высоким харизматическим статусом наделялись знатоки этой реальности – жрецы и кормчие, образовывавшие замкнутую группу духовных предводителей народа в процессе освоения просторов Пацифики. «Судно и его строитель играли известную роль, но возглавляли открытие дальних островов вождь, жрец и мореплаватель» [8, с. 43]. Полинезийский жрец, в котором отчетливо распознается его первичная шаманская природа, выполнял на корабле функции священного штурмана (лоцмана) – монопольного хранителя тайного морского знания, воплощенного в символе и ритуале. Священная океанология включала в себя мифы творения, описывающие процесс создания вселенной и ее устройство, а также «исторические» предания о морских путешествиях предков-первопроходцев и особые морские походные песни. Тем самым сакральное морское знание полинезийцев обле-

калось в поэтическую форму, а жрец (кормчий) превращался в Поэта. В одном из полинезийских преданий рассказывается о плавании предков с Таити на Гавайские острова. «В одно прекрасное утро мореплаватели опустили свой парус из циновок в бухте Хило. Тогда штурман стал поэтом и, стоя на палубе двойной ладьи, приветствовал новую землю песней» [8, с. 202]. Поэт и поэтическое творчество связаны с навигационными аспектами полинезийской морской культуры, а сами «священные песни представляют собой нечто вроде сокращенных судовых журналов мореплавателей» [8, с. 121]. Подобная связь поэтического творчества с навигаторским искусством известна и в ряде других морских традиций, в частности в культуре русских поморов.

Миф, обряд, песня были не только связаны с навигационными аспектами искусства мореплавания, но и напрямую соотносились с механизмами памяти морской культуры, с ее коммеморативными функциями. Известно, что культура народов моря имеет отчетливо выраженный мемориальный характер. Для полинезийцев, которые освоили океанические пространства Пацифики и проживали в условиях «островного рассеяния», священная история и география составляли «терминальное» ядро их идентитета. Поэтому, «пожалуй, ни один народ не гордится так своим происхождением, как мореходы Тихого океана» [8, с. 29]. Важной формой сохранения мифологической памяти являлись родовые генеалогии: «Устная передача и заучивание генеалогий составляли основу полинезийской системы воспитания» [8, с. 30]. У полинезийцев существовал даже особый «генеалогический ритуал», в процессе совершения которого не просто восстанавливалась временная связь людей, но все они находили свое место на космической вертикали, воплощенной в различных сакральных атрибутах (жезл, шнур). «Знатоки родословных гордились своими публичными выступлениями перед народными собраниями, и такое проявление “классического образования” неизбежно вызывало восхищение зрителей. На Новой Зеландии выступавший иногда прибегал к помощи жезла, изящно украшенного резьбой. Касаясь по порядку выступов на жезле, он перечислял

предков в хронологической последовательности. Для этой же цели на Маркизских островах употреблялись шнуры из волокон кокосовых пальм, покрытые узлами, причем каждый узел обозначал определенного предка» [8, с. 30]. Использование в ритуале таких космологически значимых атрибутов, как жезл и шнур, устанавливало тождество между генеалогическим и мировым древом. Полинезийские генеалогии не только охватывали «актуальное» историческое время («приблизительно пять столетий, прошедших после окончательного заселения островов предками современных жителей» [8, с. 30]) и «героический период морских странствий» [8, с. 31], но и доводились до первоначальных времен творения мироздания. Деяния богов и культурных героев-первопредков по созданию и освоению морского пространства регулярно воспроизводились в мифологизированных «исторических» преданиях и ритуалах.

Важнейшим научным результатом настоящей работы стало построение базовой модели

сакральной морфологии традиционной культуры народов моря. В ее состав входят следующие разделы и тематические блоки священной океанографии: мифологическая концепция «первого корабля»; сакральный статус плотника-судостроителя; образ бога-покровителя корабельного искусства; ритуальный цикл строительства корабля (выбор материалов; обряд строительной жертвы; ритуалы «монтажа» судна; обряды освящения и имянаречения нового корабля); космогонические и эсхатологические аспекты мифологии моря и корабля; поэтическое творчество и обожествленная память в структуре священного мореведения (всеведения). Такова инвариантная структура сакрального морского знания как порождающего ядра традиционной культуры народов моря. Хранителями и экзегетами священной океанографии были жрецы-кораблестроители и поэты-навигаторы – кормчие, своим корабельным искусством и поэтическим мироустройством словом размерявшие и прокладывавшие «божью дорогу» в океане.

Список литературы

1. Терещенко Е.Ю. Религия в системе морской культуры Кольского Севера // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. акад. 2016. Т. 17, вып. 2. С. 299–307.
2. Терещенко Е.Ю. Морфология современной морской культуры Кольского Севера // Культура и цивилизация. 2016. № 1. С. 208–219.
3. Стингл М. Очарованные Гавайи. М.: Наука, 1983. 332 с.
4. Гуляев В.И. Доколумбовы плавания в Америку. Мифы и реальность. М.: Междунар. отношения, 1991. 192 с.
5. Лебедева А.А. Мореходное искусство народов Микронезии. СПб.: Наука, 2013. 172 с.
6. Путилов Б.Н. Миф-обряд-песня Новой Гвинеи. М.: Наука, 1980. 383 с.
7. Федорова И.К. Остров Пасхи. Очерки культуры XVIII–XIX вв. СПб.: Наука, 1993. 288 с.
8. Хироа Т.Р. Мореплаватели солнечного восхода. М.: Географгиз, 1959. 253 с.
9. Эллиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
10. Sharp C.A. Ancient Voyages in the Pacific. Wellington: Avery Press, 1957. 239 p.

References

1. Tereshchenko E.Yu. Religiya v sisteme morskoy kul'tury Kol'skogo Severa [Religion in the System of Maritime Culture of the Kola North]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2016, vol. 17, no. 2, pp. 299–307.
2. Tereshchenko E.Yu. Morfologiya sovremennoy morskoy kul'tury Kol'skogo Severa [Morphology of Modern Maritime Culture of the Kola North]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2016, no. 1, pp. 208–219.
3. Stingl M. *Očarovaná Havaj*. Prague, 1981. 637 p. (Russ. ed.: Stingl M. *Očarovannnye Gavayi*. Moscow, 1983. 332 p.).
4. Gulyaev V.I. *Dokolumbovy plavaniya v Ameriku. Mify i real'nost'* [Pre-Columbian Voyages to America. Myths and Reality]. Moscow, 1991. 192 p.

5. Lebedeva A.A. *Morekhnodnoe iskusstvo narodov Mikronezii* [Seafaring Skills of the Peoples of Micronesia]. St. Petersburg, 2013. 172 p.
6. Putilov B.N. *Mif-obryad-pesnya Novoy Gvinei* [Myth–Rite–Song of New Guinea]. Moscow, 1980. 383 p.
7. Fedorova I.K. *Ostrov Paskhi. Ocherki kul'tury XVIII–XIX vv.* [Easter Island. Essays on the Culture of the 18th – 19th Centuries]. St. Petersburg, 1993. 288 p.
8. Hiroa T.R. *Moreplavateli solnechnogo voskhoda* [The Vikings of the Sunrise]. Moscow, 1959. 253 p.
9. Eliade M. *Izbrannye sochineniya. Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya* [Selected Works. Essays on Comparative Religious Studies]. Moscow, 1999. 488 p.
10. Sharp C.A. *Ancient Voyages in the Pacific*. Wellington, 1957. 239 p.

DOI: 10.37482/2227-6564-V011

Nikolay M. Terebikhin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X> e-mail: terebihinn@mail.ru

THE IMAGE-SYMBOLIC FUND OF SACRED OCEANOGRAPHY OF THE SEA PEOPLES (Part 2)

In order to reconstruct the sacred morphology of the northern traditional maritime culture, we need to consider it through the prism of comparative analysis. This procedure allows us to identify all the missing elements and fill up the vacant cells of the ritual-mythological system as a generic core of the sacred oceanology of northern seafarers. Comparing it with classical maritime cultures appears to be most effective. The results of the systematic study of these cultures can be transformed into a research paradigm (discipline matrix) considering the traditional maritime culture as a semiotic system. Among such symbolic paradigm constructions we can name the model of traditional maritime culture of indigenous peoples of Oceania, Polynesians (the “Vikings of the East”) in the first place. Polynesians’ maritime culture is rooted in their ritual-mythological tradition, in the symbolic ensemble of the primal New Year celebration. The most important result of the research is the development of the basic model of sacred morphology of the sea peoples’ traditional culture. It includes the following topical sections of sacred oceanography: mythological conception of the *first ship*; sacred status of the ship carpenter; image of the patron god of shipbuilding; ritual cycle of building a ship (material selection, building sacrifice rite, rituals of ship assembly; the rites of consecration and naming of a new ship); cosmogonic and eschatological aspects of sea and ship mythology; poetic creativity and deified memory within the structure of sacred sea studies (omniscience). Such is the invariant structure of sacred maritime knowledge as the generic core of the sea peoples’ traditional culture. Hierophants-shipbuilders and poets-navigators were the keepers and exegetes of sacred oceanography. They charted and laid the “divine course” in the ocean with their shipbuilding craft and world-ordering poetry.

Keywords: *sacred morphology, traditional maritime culture, sacred oceanography, sea peoples, Polynesians.*

Поступила: 13.09.2019

Принята: 24.12.2019

Received: 13 September 2019

Accepted: 24 December 2019

For citation: Terebikhin N.M. The Image-Symbolic Fund of Sacred Oceanography of the Sea Peoples (Part 2). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 2, pp. 106–113. DOI: 10.37482/2227-6564-V011